

Оксана Кириллова

КУКЛЫ

ВО ВРЕМЯ ШТОРМА

18+

Оксана Кириллова

Куклы во время шторма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28232587

SelfPub; 2023

Аннотация

Иде всегда нравилась роль ироничного наблюдателя. Вокруг разыгрывались трагедии и комедии, рушились надежды и строились козни, но девушка оставалась в стороне. Только любовь может заставить ее взглянуть на мир иначе, наконец оказаться в самой гуще событий и, возможно, решиться на счастье. Вот только ценой ее счастья может стать человеческая жизнь...

Оксана Кириллова

Куклы во время шторма

Часть 1. «Когда они уйдут, я останусь одна»

Глава 1

– О нет, – простонала я. Увлекательнейший сон со мной во роли мисс Марпл был жестоко прерван.

Глухотой он вроде никогда не страдал, да и спал обычно не так уж крепко, так что я не видела разумных причин ставить на звонок будильника именно этот адский трек. Лично я прекрасно просыпалась под *Evanescence*.

– Который час? – спросила я печально, перевернувшись на спину, когда рев прекратился.

Обрывки сна тут же улетучились из памяти – говорят же, если хочешь запомнить, что тебе снилось, не меняй сразу положение тела.

Я уже знала, что он ответит.

– Семь утра, – отозвался Стас.

Скрипнуло сразу несколько пружин – он встал с дивана.

– Ад, – констатировала я и только теперь открыла глаза.

– Да, представь, есть на свете люди, которые встают до десяти, – уже почти одетый (как парни так быстро собираются?), сообщил он язвительно.

На это я предпочла не отвечать. Неохота было препираться по поводу различий наших жизненных условий и устано-

вок.

– Завтракать будешь?

«Нет, нет, скажи "нет". Не хочу готовить...»

– М-м... наверное, нет. Надо бежать. Перекушу чем-нибудь на работе.

– Отлично, – не удержалась я.

– А дверь за мной кто закроет?

– А, ты уже прямо уходишь? Сейчас...

С тяжелым вздохом я поднялась с постели.

– Вечером приеду, – сообщил Стас, приглаживая волосы.

– Слушай, я вечером родителей жду... и, возможно, они засидятся допоздна, – пробормотала я, набрасывая халат.

– Ладно. Я позвоню, – пообещал он.

– Но родители придут, поэтому...

– Понял я, переночую дома. До скорого.

– С ней сегодня связываться не будешь? – спросила я, когда он был уже в дверях.

Стас посмотрел на меня так, будто я задала вопрос вроде «а что, Наполеон уже умер?», и отрезал:

– Там все кончено.

В общем, ничего нового. Он говорил это в среднем пару раз в месяц – первые раз этак восемь я верила, но всему же есть предел.

Мне было все равно. Вначале, правда, иногда бывало жаль беднягу Стаса – человек совершеннейший однолюб, а его роковая любовь – первоклассная стерва, заботящаяся только о

том, чтобы окружающие ни на минуту не смели забыть о ее персоне.

Она добивалась этого любыми способами: устраивала скандалы, совершала дерзкие и дурацкие поступки. Однажды позвонила Стасу (и, как потом выяснилось, паре десятков подруг) и сообщила, что жизнь ей надоела, она намеревается распрощаться с ней и прямо сейчас стоит на подоконнике... или как-то так. Результат предсказуем: взволнованная толпа возле ее дома (удивительно, что никто полицию и «скорую» не вызвал), Стас врывается в квартиру – благо у него есть ключ – и «спасает» несчастную. Я уверена на все сто, что ничего делать с собой она не собиралась, но считал, что его приход сыграл тогда решающую роль.

Стас любил Аллу с семнадцати, то есть уже семь лет. Назвать то, что было между ними, постоянными отношениями у меня язык бы не повернулся... вернее, постоянными – может быть, но не стабильными. Расставались они раз пятьсот (не думаю, что эта цифра сильно преувеличена) – каждый раз, разумеется, навсегда... и – максимум на месяц. Да, точно, месяц – самый долгий срок, это было в прошлом году, Стас тогда в основном жил у меня и здорово мне надоел не только своим присутствием, но и бесконечными рассказами о том, как он ненавидит Аллу и какое счастье, что они все-таки разошлись. Если не ошибаюсь, как раз историей с «самоубийством» та разлука и закончилась.

Я понятия не имела, почему Алла не отпускала Стаса –

любить она точно была не способна, влюбленность, подозреваю, если и была, то давно прошла. Возможно, ей не хотелось терять верного пса, готового последовать за ней на край света – это не только льстило ей, но и выгодно дополняло ее королевский имидж. Да и кому бы такое не понравилось – на свете есть человек, который, как бы ты ни вытирала об него ноги, прибежит по первому зову и сделает для тебя что захочешь. Это и попросту выгодно.

Единственной слабостью, которую он себе позволял, была я. Алла обо мне догадывалась и однажды даже нашла мое сообщение в его телефоне (совершенно не нежное – кажется, там было только «ладно, приезжай»). Позвонив мне, она прошипела в трубку: «Что у тебя с моим парнем?»

Не знаю почему, но я сразу поняла, что это она, причем не по формулировке вопроса, а по голосу, по тону: именно так я их себе и представляла. Она только произнесла «что», а я уже знала. Мы с ней тогда встретились в кафе. Классика: «Оставь его в покое, он мой». Правда, я отошла от избитого сценария и не ответила «пусть выбирает сам» или «у нас любовь, а ты ему давно не нужна». Я сказала: «Ради бога, забирай».

Алла была ошарашена и, выскочив из-за столика, ринулась к выходу. Как выяснилось позже, Стасу о нашей встрече она не рассказала. Он знал только, что она обнаружила SMS (не могла же она совсем уж упустить случай устроить скандал). Но, конечно, он ни в коем случае не должен был

думать, что она опустилась до того, чтобы отбивать своего же парня у какой-то девчонки.

Потом они оба пропали из поля моего зрения на пару дней... после чего Стас появился на пороге с вещами. К счастью, через три дня все уладилось: и он, и вещи перекочевали обратно к Алле. Большую часть времени он жил у нее, иногда – у родителей. Но ссоры с ней почему-то предпочитал переносить в моих объятиях.

Кто посмел бы обвинить его в этом? Разве что сентиментальные барышни, знающие о любви в основном из романов Барбары Картленд. Остальные бы точно поняли. Человек столько лет треплет себе нервы – нужна же ему отдушина.

Познакомились мы на улице. Жили недалеко друг от друга – тогда он еще ночевал преимущественно у родителей и у нас совпадали графики: я ходила в университет – в основном к первой паре, он – на работу. С самого начала сентября, поступив на первый курс, я обнаружила, что в одно и то же время встречаю по дороге молодого человека: на вид лет двадцати, в черной джинсовой куртке, белоснежных кроссовках и всегда в наушниках. Со временем я даже научилась определять по нему, который час, не глядя на телефон: если мы пересекались возле театра кукол, это значило, что у меня еще есть время, если на перекрестке – дело худо, а уж если не встречала вообще – опоздала безнадежно.

Однажды он поднял голову и улыбнулся мне. Я была удивлена, потому что думала, что он меня не замечает – веч-

но угрюмо-сосредоточенный, поглощенный только своими мыслями и этой ужасной громкой музыкой, способной разбивать стекла своими децибелами (пару раз прошла с ним вровень и, услышав, ужаснулась).

Я улыбнулась в ответ.

Где-то с начала октября мы стали здороваться, а ближе к ноябрю остановились поболтать, как старые знакомые. Я его уже так и воспринимала, хотя ничего о нем не знала и знать особенно не хотела – просто он стал частью моей жизни. Как кофе с утра, как огромная доска в пятьдесят шестой аудитории, как блондинка из сериала, который в моем детстве смотрела мама по вечерам.

Из всего этого родилась довольно бестолковая дружба. Его откровения (в основном об Алле) – и вместе с тем какая-то недоговоренность, неловкость; практически полное отсутствие точек соприкосновения – и его упрямое стремление общаться дальше.

В начале декабря, окончательно отселившись от родителей (не так уж далеко – в соседнюю квартиру, но все-таки), я встретила Стаса на улице и пригласила на новоселье. Честно говоря, не знаю зачем – никакого праздника я не устраивала, так что мы были вдвоем, но я точно не ставила себе целью остаться с ним наедине. Если бы мы в очередной раз не столкнулись по дороге на работу и учебу, я бы вообще не вспомнила о нем. Все вышло спонтанно. И, как на грех, именно в этот день он в очередной раз рассорился с Аллой

и горел желанием поделиться, поэтому согласился прийти с огромным энтузиазмом.

Я уже сама недоумевала, зачем все это затеяла. Был чудесный вечер пятницы, и я могла бы провести его в постели с чашечкой чая, любимой книгой и успокаивающей музыкой – вместо этого должна была мчаться в магазин и покупать что-то к столу. Готовить я тогда почти не умела. Кончилось тем, что я купила большую пиццу и шесть маленьких пирожных. Решила, этого вполне достаточно.

Мы засиделись допоздна. Половину холодной пиццы так и пришлось выбросить на следующий день, а до пирожных вообще дело не дошло. Тогда я еще не знала, что в стрессовых ситуациях у Стаса пропадает аппетит (бывает, правда, и другая крайность, но реже). Часов в одиннадцать ночи я спросила его, как он планирует добираться домой – нас разделяли от силы две остановки, но это не так мало, когда на улице ночь и уже не ходят маршрутки. Вместо ответа он приблизился и поцеловал меня с каким-то отчаянием.

До этого он никогда даже за руку меня не брал, так что я была изумлена. В том же ошеломлении пребывала и потом, глядя его спину под рубашкой одной рукой и нащупывая на лампе выключатель другой. «Знала бы – хоть надела бы красивое белье...» Впрочем, Стасу все это было абсолютно безразлично – для него я являлась всего лишь не Аллой, а это было уже прогрессом – и мстью. То ли ей, то ли самому себе за эту мучительную любовь.

То, что происходило между нами с тех пор, казалось мне естественнее того, что было до этого. Наша недодружба вызывала у меня еле уловимое раздражение, а теперь хотя бы все было определено. Я вообще в основном предпочитала ясность. На публику могла (и даже иногда любила) играть любые роли, но внутренне хотела быть уверенной, что вижу и знаю вещи такими, какие они есть.

Думаю, Стасу крупно повезло наткнуться именно на меня (я, не тешась иллюзиями относительно собственной исключительности, была уверена, что у него просто назрела необходимость завести кого-то на стороне), потому что я никогда не воспринимала амурную сферу жизни слишком серьезно. Другая бы извела его требованиями бросить Аллу, но мне это было совершенно не нужно. К тому же я только что начала жить одна, и это оказалось так приятно – прямо по мне, – что я не собиралась так быстро лишать себя этого удовольствия. Да и отношения мне были на самом деле не нужны.

В шестнадцать лет у меня был парень. Единственный – мне хватило. Ничего плохого о нем не скажу – он меня обожал. Провожал и встречал, заваливал цветами и подарками, во всем пытался мне угодить. Он мне нравился, но его всегда было слишком много. И я так и не смогла убедить его, что не стану менее счастливой от того, что хотя бы пару минут меня не будут целовать и засыпать комплиментами и признаниями. Если бы я позволила ему что-то большее, чем поцелуи, он вообще не дал бы мне жить, задушил бы своими востор-

гами и нежностью. Все это было очень мило, но, увы, не по мне. Расстаться с воздыхателем удалось с огромным трудом, и с тех пор я всячески избегала отношений: для романтических была слишком сентиментальна, для чисто сексуальных – слишком хорошо воспитана... тогда я так считала.

Для меня все произошло довольно естественно, пусть и неожиданно. Я ничего от этого не теряла (кроме невинности, но какой от нее прок в восемнадцать лет?) и сразу представляла дальнейший ход событий. Со Стасом никогда не будет неловко, он всегда будет казаться почему-то своим, подпустить его к себе не будет обременительно, а отпускать – тяжело. В итоге все просто сойдет на нет. Обнаружив, что наши встречи становятся регулярными, я дала этим «отношениям» месяца три. Но прошло уже четыре года.

Четыре года. Ни с одним бойфрендом, в которого была бы влюблена, я не протянула бы столько. С моей стороны все держалось как раз на равнодушии к Стасу как к парню плюс легкой симпатии к нему как к человеку и нежелании что-то менять. Мне все это было даже выгодно: когда я хотела отмазаться от назойливого ухажера или убедить знакомых, что у меня все хорошо, то с почти чистой совестью говорила, что у меня кто-то есть. В остальное же время я была свободна и довольна этим. Никаких ограничений, ничего лишнего. Что ни говори, а больше всего я всегда любила три вещи: быть наедине с собой и мирно плыть по течению. Ну ладно, еще спать – и детективы Агаты Кристи.

Стаса я тоже устраивала: и как «жилетка», и, видимо, как девушка. Вероятно, он считал мое появление закономерным и болезненным следствием своих страданий, и наверняка в глубине души ему было приятно иметь кого-то в запасе. В общем и целом все было довольно гармонично. Даже то, что мы были абсолютно разными людьми: не возникало соблазна искать друг в друге «половинку». Это обнажало суть вещей и делало отношения совершенно безопасными для меня.

Все шло хорошо, пока Стас у меня не задерживался. Я была довольна, что сегодня удалось так легко освободить от него вечер. Лучше бы, конечно, он куда-то делся еще до утра, с этим его жутким будильником. Я могла еще спать и спать. Учеба в университете почти закончилась – шел последний, преддипломный курс, занятия проходили раза два-три в неделю и в основном часов с одиннадцати, а то и с часа. Кроме учебы я ничем пока не занималась. Справедливости ради замечу, что никогда особенно не занималась и ею – так, ходила на пары и иногда выполняла задания, но без фанатизма. Подрабатывала иногда наборщицей на дому, чтобы не брать лишний раз деньги у родителей, но это не требовало ранних подъемов.

Но завтра... завтра я проснусь под *Evanescence* и буду наслаждаться завтраком в одиночестве.

«Пора и честь знать, в конце концов, он живет здесь уже пять дней», – подумала я, включая чайник и направляясь в ванную.

В тот месяц, что мы жили вместе, я много раз намекала Стасу, что он не может просто так оставаться в моей квартире, даже платя за питание и проживание, но он машинально кивал и переводил все разговоры на то, как хорошо, что он ушел от Аллы (не ко мне, а именно от нее). Я думала, что привыкла к нему, но это была сушная мука. Он разбрасывал всюду свою одежду, он занимал душ именно тогда, когда я хотела помыться, съедал за раз приготовленный мной на три дня ужин (в тот раз аппетит к нему вернулся уже через пару дней после расставания с Аллой). Я уже начала понимать, почему Алла бывает такой истеричной. А потом, слава богу, она «приняла эстафету», объявив о своем самоубийстве.

«Хоть бы Алла что-нибудь выкинула и в этот раз. И желательно поскорее», – подумала я, вернувшись в постель.

В то утро сон никак не возвращался, и я была раздосадована.

Глава 2

Я отчаялась уснуть и встала. Сделала себе маленький бутерброд с сыром и сжевала его, запив черным кофе без сахара, под ненавязчивую музыку «Европы Плюс». Особых планов на день не было, и я подумала о том, чтобы чуть попозже, когда это будет прилично, позвонить подруге.

У нас с Жанной были особенные отношения. Я ее не любила, и это было сильное, крепкое чувство, тем не менее постоянно нуждающееся в подпитке. Меня бесило, как она

одевается (ну как в ее возрасте можно напяливать на себя все эти унылые вещи?!), как двигается (чересчур грациозно, точно она не человек, а эльф), как носит украшения (только дешевые колечки, причем по пять штук на одном пальце).

И взгляды Жанны на жизнь меня тоже откровенно раздражали. Она любила долго и обстоятельно рассуждать о том, как для человека важна семья и как он должен прогибаться под всех ее членов, потому что в этом и есть смысл жизни. Родители уехали в другой город, общались с ней в основном по телефону, и в коротких разговорах с ними у нее не возникало необходимости прогибаться, зато этот навык постоянно требовался в супружеских отношениях. Бедняжка вышла замуж в восемнадцать – за человека, который был старше ее на шесть лет и постоянно «гулял». Она же сосредоточила все, по-моему, жизненные силы на том, чтобы родить ребенка.

Пока у них не получалось, но с каждым годом Жанна зацикливалась на этом все больше. Училась она заочно, не работала, домохозяйка из нее была никудышная – она даже яичницу не могла пожарить, не пересолив ее и не уронив сковороду. Общались мы со школы, и там она тоже не блистала. Подругой была и не хорошей, и не плохой – не поймешь. Однажды, уже живя одна, я сильно обожгла руку и не могла даже голову помыть нормально. Родители были в отъезде, а Стас занимался Аллой, да мне и в голову не пришло бы к нему обратиться. Я подумала, что логично будет попросить о помощи Жанну. Однако она, шумно посочувствовав

мне по телефону, сказала, что дико занята. Но иногда стоило мне намекнуть о плохом настроении, и она тут же появлялась на пороге моего дома с тортом, вином и неумемной нежностью.

Лично я без особой охоты, из чувства долга ее выручала. Один раз помогла накраситься, когда муж поставил ей пару синяков на лице, а на следующий день должны были приехать ее родители, которые, разумеется, не были знакомы с изнанкой супружеской жизни дочери. Предлагала переночевать у меня, когда они с мужем ссорились, но она всегда отказывалась. Мол, это неправильная политика – бежать, чуть что не так. Надо поговорить, осознать свою вину и простить другого.

(Ее муж не производил впечатления тонкого человека, с которым можно обстоятельно обсудить любую проблему и найти оптимальное решение. Твердолобый, довольно тяжелый в общении, неулыбчивый тип. Даже на свадебных фотографиях ни разу не соизволил улыбнуться.)

Подруга мне требовалась не для душещипательных бесед – я оставляла личное при себе. Скорее уж для острых ощущений. Один вид Жанны пробуждал во мне кучу разнообразных эмоций, в основном отрицательных, но при этом мне хотелось видеть ее снова и снова.

Но в тот день идею позвонить Жанне я отмела. Не сегодня. Пойти куда-нибудь? Тоже вряд ли. Лучше уж посидеть дома и насладиться пока одиночеством. До вечера.

Родители действительно собирались зайти, как я и сообщила Стасу. Правда, допоздна они никогда не задерживались – оба были «жаворонками». Но он-то об этом не знал. Он и знаком с ними не был – я проявляла чудеса конспирации и ни разу не дала им понять, что у меня периодически кто-то живет. Родители были в курсе, что у меня есть бойфренд, но даже не настаивали, чтобы я им его показала.

Теперь пришло время упомянуть о моих отношениях с родителями. А отношения эти были довольно отстраненными. Разумеется, мы любили друг друга, но очень спокойной любовью, прекрасно выдерживающей многонедельные разлуки. Мы жили в соседних квартирах, однако встречались не так уж часто, сидеть друг у друга целыми днями не входило у нас в привычку. Как только осознали, что я нормально справляюсь с хозяйством и разными бытовыми мелочами, они с легкой душой отпустили меня от себя. Конечно, помогали в случае необходимости – и деньгами тоже, – но в целом предоставили мне идти своим путем, за что я была им благодарна.

Думаю, мама понимала мое стремление к одиночеству – она и сама была интровертом. То же самое было и с моей бабушкой, и точно так же она жила с мужем в соседней от дочери и зятя квартире (в которой теперь обитала я), но общалась с ними крайне редко. Ко мне бабушка и вовсе была равнодушна – родственные чувства проявлялись лишь в шоколадках и очень небольших деньгах «на мороженое» в день

рождения. Я подозревала, что буду так же относиться к внукам, а мама – к моим детям.

Мужчины в нашей семье куда более открытые: у папы любимым занятием всегда было общение с людьми, с большим количеством людей. Зато дома, в компании замкнутой мамы, он от них отдыхал.

Надо бы что-то приготовить к приходу родителей, подумала я лениво. В холодильнике были замороженная свинина и несколько яиц. Тогда отбивные? А на гарнир?.. Похоже, все-таки придется выходить...

Мысль о том, чтобы одеться и выйти на мороз, была настолько отвратительной, что я даже поежилась.

«Ну ладно, – утешала я себя, заправляя постель. – Когда они уйдут, я останусь одна». Наверное, не было на свете человека, который бы радовался такому столь же сильно.

Глава 3

– Ну вот, что я тебе говорил? Чушь все это. Она бы нас предупредила, это точно.

– Я думала... что ж, значит, в другой раз.

Этот приглушенный разговор родителей в прихожей я слышала из кухни, куда удалилась под предлогом того, что надо подогреть еду. На самом деле я давилась от смеха, потому что мама по непонятным для меня причинам пришла в нарядном платье, которое надевала только по большим праздникам, и с вечерним макияжем. Это было безумно ми-

ло – навести марафет, чтобы отправиться к дочери в соседнюю квартиру. Я думала, до такой степени официальности в отношениях мы еще не дошли – все же это был не званый ужин.

Папа оделся чуть менее парадно, но зашел не в спортивном костюме, который обычно носил дома, а в легкой рубашке и джинсах. Что бы это ни значило, это было забавно. Я и сама надела самый приличный из своих халатов, но все-таки не коктейльное платье.

– Мама почему-то решила, что ты сегодня хочешь познакомиться нас со своим парнем, – сообщил папа со смехом, входя ко мне на кухню. – М-м, как вкусно пахнет, дочка. Кажется... котлетами?

– Нет, пап, это свиные отбивные.

– Ух, здорово. Я испугался, что котлеты. Мы едим их уже четвертый день.

– Кто виноват, что их столько получилось? Сама не ожидала, – сказала мама.

– Не надо было брать столько фарша.

Я бы на это обязательно ответила «раз ты такой умный, готовь сам», но она сменила тему:

– Ида, так вкусно пахнет!

– Я сказал то же самое, – сообщил папа. – Так вот, мы уже второй день подряд наблюдаем, как из твоей квартиры по утрам выходит парень, и мама решила, что теперь он здесь живет и ты собираешься наконец-то официально его

нам представить.

Конспирация перестала работать. Только этого не хватало!

– Да нет, пап, он просто заходил в гости, – отозвалась я, включая микроволновку.

– Ну я же говорил – он просто у нее ночевал, – безапелляционно перефразировал отец, повернувшись к маме. – Подумаешь, невидаль какая – девчонке двадцать два года, она живет одна и несколько лет встречается с парнем – конечно, он иногда у нее остается. Хотелось бы когда-нибудь познакомиться, но если ты, Ида, пока не готова...

– Кхм. Да, – слегка смущенно отозвалась мама. – Значит, он здесь не живет?

– Нет, разумеется. Тебе добавить кетчупа к картошке, мам?

– Спасибо, если только совсем чуть-чуть... Ладно. Когда соберешься нам его представить, предупреди заранее, хорошо?

– Конечно.

– Чтобы ты опять надела это платье, да? – ухмыльнулся папа.

Он все время безобидно подтрунивал над мамой, но она, как правило, игнорировала его реплики и никогда не смеялась. Вот и сейчас просто слегка поджала губы и повернулась ко мне:

– Идочка, давай я помогу тебе отнести чашки и тарелки.

Я облегченно вздохнула.

За столом родители в основном хвалили еду и вежливо расспрашивали про мою учебу и про то, как продвигается диплом. Он, разумеется, пока не продвигался никак (ненормальная я, что ли – в начале декабря думать о дипломе), но я с умным видом отвечала, что изучаю литературу и продумываю структуру работы. Это обычно прокатывало со всеми, включая преподавателей – по крайней мере на первых порах (думаю, за неделю до защиты уже не помогло бы).

Потом папа начал рассказывать забавную историю, причючившуюся с ним на работе, и я смеялась громче и дольше, чем того требовала история, потому что меня все еще веселил мамин наряд и то, что я сижу рядом с ней в халате и без макияжа.

– Кажется, в дверь звонят! – сказал папа вдруг, и я, перестав смеяться, прислушалась.

Позвонили еще раз, а потом еще, и я помрачнела. Три звонка – условный сигнал Стаса. Черт, что ему нужно? Я же сказала, что ужинаю с родителями!

– Сейчас. – Я выскочила из-за стола и ринулась в коридор.

Открыв дверь, даже попятилась от неожиданности. То, что на пороге стоял Стас, как раз не стало для меня сюрпризом, поразило другое: в руках он держал внушительный букет цветов. У меня мелькнула мысль, что, наверное, с таким было сложно войти в лифт.

– Это еще что такое? – шепнула я, выйдя на лестничную

клетку.

– Почему ты меня не выпускаешь? – спросил он, обняв меня свободной рукой за плечи (букет он каким-то образом подхватил второй).

– Ты что, забыл? Я же тебе говорила, что...

– Знаю, что ты говорила. Цветы – твоей маме. Не находишь, что нам пора официально познакомиться?

Тут в прихожую вышел папа, и я, бросив на Стаса красноречивый взгляд, который должен был означать «не знаю, что ты задумал, но ладно, делай что хочешь», обернулась и весело произнесла:

– А вот и мой парень. Ты его уже видел, пап.

Глава 4

Платье и макияж явно не придали маме уверенности. Почти все время она молчала, нервно покусывая губы и то и дело хватая полупустой стакан сока, чтобы сделать пару глотков. Когда стакан опустел окончательно, она принялась вертеть его в руках. На Стаса старалась не смотреть, но периодически изумленно поглядывала на букет, вазу с которым я поставила в центр стола.

Папа был, как обычно, более раскован: рассказывал что-то, шутил, спрашивал. Стас отвечал бойко и, кажется, чувствовал себя вполне комфортно.

– Сейчас вы нравитесь мне больше, чем вчера и сегодня утром, – заявил папа добродушно. – Если честно, тогда вы

показались мне мрачным и замкнутым, а теперь я вижу, что ошибся.

«Разумеется, он был мрачным и замкнутым, потому что думал о ссоре с Аллой. Другой вопрос, почему сейчас он не такой. Если бы они помирились, он не пришел бы вовсе», – подумала я и ощутила нетерпение: когда уже родители уйдут к себе и я смогу расспросить его как следует?!

– Я просто оба раза на работу опаздывал, – сообщил Стас. – И все равно нашел время заскочить к Иде...

– Брось, мы тут все взрослые люди, – перешел на «ты» отец. – Ясно, что ты у нее ночевал. Но знаешь, Ида уже взрослая, так что я никого отчитывать за это не собираюсь.

– Тебе крупно повезло с родителями, ты в курсе? – Повернувшись ко мне, Стас взял меня за руку и чуть ли не торжественно поднял наши сплетенные руки – так, что родители их видели.

Наверное, это должно было означать «мы пара, мы счастливы и никого не стыдимся». Интересно, зачем ему понадобилось все это изображать?

– Конечно, в курсе.

Я осторожно высвободила руку, будто чтобы подлить маме сок. Она запротестовала, прижав к себе пустой стакан, и снова стала нервно вертеть его в руках. Да, с полным этот трюк бы не прошел.

– Так, говоришь, ты работаешь с первых курсов, – произнес папа оживленно. – Какой молодец! Получалось совме-

щать?

– Честно говоря, я много пропускал в институте, – признался Стас. – Полдня всегда бывал на работе. Но в конце концов сессии сдавал. На «заочку» переводиться не хотелось – меня бы сразу в армию забрали...

– А что ж не забрали теперь? Ты сказал, уже два года как закончил.

– Теперь нельзя. У меня язва.

– Язва или «язва»? – Папа изобразил воздушные кавычки.

– Нет-нет, действительно язва. Неправильное питание и все такое...

– Беспокоит?

– Бывает...

Я заерзала на стуле. Стас никогда не говорил мне о язве. В принципе я даже не спрашивала, почему его не забрали в армию. Только кивала, когда он сообщал, что в очередной раз идет в военкомат с какими-то справками. Может, он рассказывал, но я прослушала? А что, очень возможно.

«Неправильное питание» – это неудивительно. Не сомневаюсь, что у Аллы руки растут не из того места. Готовить – да что вы, она вообще выше этого, да и маникюр же можно испортить. Раньше он жил в основном у родителей, они наверняка кормили его нормально.

Бедняжка, надо будет как-нибудь сварить ему диетический суп, что ли, подумала я.

– Ну ладно, уже поздно, пора и честь знать, – заметил папа

внезапно.

– Половина десятого, – удивленно посмотрев на часы, сказал Стас.

– Да, уже поздно, – повторил папа.

– Мы рано ложимся, – вставила мама робко. – К тому же завтра на работу. И вам, наверное, тоже.

Ну вот, теперь он знает, что они «жаворонки» – дай бог, чтобы не вспомнил, что я говорила ему, будто они могут засидеться допоздна. Не в первый раз, кстати, говорила.

– Да, верно. Мне тоже пора домой. – Стас поднялся, и я изумленно глянула на него.

Он собирается уходить?! Совершенно не похоже на него. Зачем же тогда он пришел – неужели только ради знакомства с моими родителями?!

– Далеко живете? – спросила мама.

– Нет, довольно близко. Потому и могу забегать к Иде до работы, если она не спит, – зачем-то соврал он.

То есть, может и не совсем соврал – он же сказал не «забегаю», а «могу забегать», а теоретически он действительно мог, особенно если бы ночевал у родителей, которые жили в пятнадцати минутах ходьбы от меня.

Папа бросил на него оценивающий взгляд («Хм, он что, правда просто заходил, а не оставался у нее?»). Это не исключало того, что иногда Стас все-таки остается, но все равно было дополнительным бонусом в его копилку.

В коридоре я расцеловала родителей и пожелала им спо-

койной ночи и нерешительно подошла к Стасу. Обычно мы никак не прощались, если не считать беглого «давай, до скорого», но маму с папой бы это, наверное, насторожило. В то же время страстно целовать его на глазах у них мне тоже как-то не хотелось. Стас спас ситуацию, легонько обняв меня и чмокнув в щечку.

– Ну, пока, – облегченно выдохнула я, пообещав себе задать ему кучу вопросов при следующей встрече. Нет, не по телефону – мне хотелось видеть его, когда он будет мне это объяснять.

Мама едва смогла протиснуться в дверной проем со своим букетом, и это подтверждало мою догадку насчет трудностей, с которыми столкнулся Стас в лифте (там-то двери были еще уже). Момент, когда в квартиру с цветами заходил он, я как-то пропустила – может, из-за того, что была в смятении.

Закрыв за гостями, я отправилась убирать со стола и мыть посуду. Захотелось лечь пораньше – все-таки я проснулась в семь утра.

Я расстелила постель, прочитала перед сном десяток страниц первой попавшейся книги (после чтения всегда уютнее спится) и уже погасила свет, когда услышала три звонка в дверь. Условный знак.

– Ох, – вздохнула я.

На сей раз Стас был, разумеется, без цветов и выглядел замерзшим.

– Что такое? – впуская его, шепотом спросила я.

– Целый час пробродил по улице. – Он дохнул на ладони и энергично потер их одну об другую.

– Зачем?

– Ждал, пока твои родители уснут! Свет в их окнах погас давно, но я все-таки решил перестраховаться. Они ведь могли услышать мои звонки и разочароваться во мне. Как думаешь, раньше они не слышали их по ночам? Надеюсь, что нет...

– Объяснишь мне, в чем дело? – перебила я.

– А ты сделаешь мне чайку погорячее?

– О`кей. А ты уверен, что с язвой можно пить сильно горячее?

– Ничего с моей язвой не случится.

– Давно она у тебя?

– Два года назад обнаружили.

– Ты не говорил.

– А надо было?

– Уф, значит, и правда не говорил.

– Ты, конечно, решила, что прослушала? Нет, на сей раз нет. Ты не волнуйся, пропускать ненужную информацию мимо ушей – навык полезный. Если бы ты этого не умела, разве стал бы я тебе часами рассказывать про Аллу? – Стас разулся и повесил на крючок пуховик.

– Кстати, как там с Аллой? – поинтересовалась я.

– Никак. Мы расстались.

– Это я уже слышала. По-прежнему не созванивались?

– Да расстались мы, зачем нам созваниваться.

– Ладно, ладно. – Я прошла на кухню, включила свет и электрический чайник.

– Прости, что потревожил. Не думал, что ты так рано ляжешь.

– Кое-кто разбудил меня утром.

– Это не я, это Slipknot. Хорошая группа.

– Пожалуйста, поменяй мелодию хотя бы на один день.

– Почему ты решил, что я пробуду у тебя только один день? – поднял бровь Стас. – У меня завтра зарплата, с деньгами проблем нет, еду куплю сам...

– Дело не в еде, – устало вздохнула я, протирая глаза. – Слушай, ничего, если я лягу? Я вырубаюсь. Ты выпей свой чай и можешь потом даже рассказать мне, как сильно ненавидишь Аллу, только я буду слушать с закрытыми глазами, идет?

Он хохотнул.

– Ложись, ложись. Я скоро приду.

– А завтра с утра обещаю объяснить мне, почему ты сегодня появился с цветами. Сейчас, вижу, ты этого делать не собираешься.

– Твоя мама что, не любит розы?

– Я же говорю – не собираешься. Все, я пошла.

Глава 5

Утром меня ожидал неприятный сюрприз. Нет, даже не будильник (мелодию Стас, разумеется, не сменил), а то, что было после.

– Не могу никуда идти, – придушенным голосом пробормотал он. – Кажется, я заболел.

– А, ну правильно, ты же вчера хотел остаться. Теперь я, конечно, тебя не выгоню. – Я терпеть не могу, когда мне так нагло врут – это, пожалуй, единственное, что меня действительно распаляет. – Знаешь что? Вставай-ка и иди.

– Да не могу я, ты что, не видишь? – воскликнул он (насколько это было возможно с «севшим» горлом).

Мне пришлось мысленно признать, что, возможно, он действительно приболел, но уж точно преувеличивает, заявляя, что не может встать.

– Ничего я не вижу. Вставай.

– Да ты попробуй мой лоб, у меня температура, честно!

– Не буду я ничего пробовать. Ты покинешь мою квартиру сегодня, а пойдешь ты на работу, домой или к Алле – меня не касается, – отрезала я безжалостно.

– Хорошо, дай мне время до вечера...

– И не подумаю.

– Ладно, – сдался Стас, вылез из постели и стал одеваться. – Сделай хотя бы завтрак... хотя черт с тобой. Не думал, что ты такая бессердечная.

– Просто не надо считать меня идиоткой.

– Ага.

Он безнадежно глянул в окно.

– Снег идет.

– В декабре это нормально.

– Я без шапки.

– Сейчас промокнешь и умрешь, кошмар.

– Я тебя ненавижу.

– Какие мы эмоциональные.

– Нет, серьезно. Почему меня окружают такие черствые люди? Никому нет дела до того, что происходит с другими. Знаешь что? – Застегнув пуговицы на рубашке, он повернулся ко мне. – Я больше не вернусь.

– Договорились.

Он ушел, хлопнув дверью, и я подумала, что, наверное, это первый раз, когда мы так сильно поссорились. Ну и пусть – будет знать, как манипулировать мной. А не вернется – и ладно, я прекрасно проживу без него.

К вечеру мне нужно было напечатать двадцать страниц довольно тяжелого текста с кучей терминов и символов, так что снова ложиться спать я не стала – сделала себе кофе и села у компьютера. Однако спокойно поработать мне было не суждено.

– Ида, у меня проблема. Сема сказал, что я плохо одеваюсь.

Да неужели, Жанна. Кто-то наконец-то тебе это сказал. Хотя, наверное, странно было услышать такое от человека,

годами носившего одни джинсы и один серый свитер с катышками.

– М-м, я поняла, – неопределенно отозвалась я, разыскивая в разделе «Символы» знак интеграла. – Твои действия?

«Скажи, что бросаешь его. Да нет, ты никогда этого не скажешь. И меня это бесит».

– Надо изменить его отношение ко мне. Боюсь, он стал воспринимать меня как данность.

– Хочешь поговорить с ним об этом, осознать свою вину и простить его? Как обычно?

– Нет. Хочу сегодня переночевать у тебя. И не говорить ему, куда я пошла.

Ух ты, это что-то новенькое.

– Он озверевает, – предупредила я.

– Ты проводишь меня завтра и зайдешь на чай. Когда ты уйдешь, он уже успокоится. Он не злопамятный, просто импульсивный... – принялась объяснять Жанна.

– Да, да, Сема отличный парень, – перебила ее я. – Приходи.

– Через час я у тебя.

– А по магазинам за одеждой не хочешь пройтись?

– Ида, не глупи. Ты же понимаешь, что дело не в одежде. Дело в его восприятии меня.

– Тебе не следует так часто читать книги по психологии. Думаю, он имел в виду именно то, что сказал. Жду.

Я положила трубку. При мысли о том, что я скоро увижу

Жанну, меня охватили одновременно раздражение и любопытство. Неужели ее установки наконец начали меняться? Год назад она бы ни за что не позволила себе куда-то уйти на ночь, не предупредив мужа.

Но через час мне предстояло убедиться в том, что, если они и изменились, то не слишком сильно.

– Наверное, это все из-за того, что у нас нет детей, – принялась за свою любимую тему Жанна.

Она помолчала, ожидая моей реакции, задумчиво погрызла ноготь на указательном пальце, усеянном аляповатыми кольцами, и продолжила:

– Надо пойти к другому врачу, а Сема не хочет. Говорит, что с ним все в порядке, как и сказал доктор Голицын, и больше обследоваться он не намерен.

– А ты не пробовала сделать паузу и отвлечься?

«А еще сделать маникюр. Хотя бы для разнообразия».

– Пробовала. Не думала об этом целых четыре дня, а потом увидела рекламу подгузников и опять раскисла.

– Жанна, тебе двадцать два года. Семе двадцать восемь. Вы оба еще молодые, куда так торопиться? Подумай, – взывала я, заранее зная, что все бесполезно, – сейчас ты практически свободна: учишься редко, не работаешь. Денег кое-как хватает. А когда родится ребенок, первые года три придется полностью посвятить ему. Двадцать четыре часа в сутках. К тому же дети требуют огромных затрат – ты уверена, что Сема это потянет? Ты говорила, он получает всего...

– Неважно. Дети – это счастье.

Вот так вот одним махом перечеркнула всю мою тщательно выстроенную теорию. «Дети – это счастье». Ничего глупее не слышала.

– Я бы на твоём месте сначала поискала счастье в каком-нибудь другом месте, – не удержалась я. – Ты ведь даже не пробовала жить для себя, а не для семьи. Найди работу или хотя бы увлекательное хобби, новых друзей...

– Это все не то. Я хочу ребенка. Иначе я не чувствую, что реализовалась в жизни.

– Тебе принести пилочку?

– Э... что? Зачем?

– Ты только что откусила себе кусок ногтя, и острый край будет за все цепляться.

– О, пустяки, сам затупится.

Она безнадежна.

– Ты не возражаешь, если я попечатаю? – поднявшись из-за стола, за которым мы пили чай, спросила я. – Мне нужно к вечеру сдать две главы.

– Конечно. А я рядом посижу, хорошо? – ответила Жанна.

Следующие пару часов я стучала по клавиатуре, а она, расположившись в кресле, увлеченно рассказывала мне, какой хороший у нее муж и какими чудесными родителями они станут. Видно, такая у меня карма: вечно кто-то мне что-то втирает, независимо от того, хочу я этого или нет. Наверное, думают, что я хорошо умею слушать? Хотя на самом деле

не столько слушать, сколько отвлекаться – Стас меня «раскусил».

Но им ведь всем не нужны советы, они сами отлично знают, как им жить. Им надо просто, чтобы их не перебивали, пока они изливают душу. Так что я идеальный вариант.

На секунду я представила себе, что прошло лет двадцать и передо мной сидит не Жанна, а моя дочь-подросток, и расписывает достоинства Кости из параллельного класса. Или муж вываливает на меня свои проблемы на работе. А я в это время не печатаю текст, а готовлю обед. Ведь, скорее всего, так оно и будет. На мне всю жизнь будут ездить, только потому что всем нравится, как я молчу.

После перерыва на обед, состоящий из не доеденных вчера отбивных, мы вернулись к прерванному: я – к работе, Жанна – к рассказу. Удивительно, сколько всего ей нужно было мне сказать, хотя вся эта речь легко уместилась бы в одно предложение.

Закончила я к вечеру. От долгого сидения болела спина, глаза устали от компьютера, голова шла кругом, и я решила, что самое время выйти проветриться.

Снег так и валил с утра не переставая. Вокруг расчищенных тропинок возвышались целые сугробы, ослепительно белые под светом фонарей.

– Странно, что Сема еще не позвонил, – надевая перчатки, заметила Жанна. – Он уже давно должен был прийти с работы и обнаружить, что меня нет.

– Ужин-то хоть есть? – осведомилась я.

– Да, я купила вареники с картошкой.

– Если ты действительно собираешься стать мамой, надо научиться готовить. Маленьким детям нельзя есть полуфабрикаты.

– Знаю я, знаю. Но у меня будет достаточно времени, чтобы научиться, пока он будет расти. В первый год он все равно будет питаться только грудным молоком.

– Думаю, у тебя в тот год будут совершенно другие дела.

– Господи, я как представляю, что держу на руках эту крошку и прижимаю к груди... сразу так тепло на душе! Я вчера залезла в интернет на форум молодых мам...

Ну ясно, ясно. Можно пока подумать о своем. Завтра суббота. Чем бы заняться? Надо будет придумать что-нибудь расслабляющее, уютное такое... может, принять ванну? Давненько я этого не делала, все под душем да под душем. В шкафчике еще осталась соль для ванны, которую мне кто-то подарил на прошлый Новый год. Точно, Стас. Должен же был он что-то мне подарить, иначе было бы неудобно. Я сама всегда так отдариваюсь: гель для душа, крем для бритья...

Удивительно обременительная это штука – отношения. Что дружеские, что любовные, что даже просто сексуальные... не говоря уж о супружеских. При любом раскладе: есть отношения – значит, есть обязанности.

Даже если ты просто выслушиваешь длинные монологи человека (причем о чувствах к другой девушке) и иногда де-

лишь с ним постель, ты, оказывается, обязана оставить его у себя дома на неопределенный срок, когда он заболел, да еще ухаживать за ним. Кажется, это уже выходит за рамки... как и знакомство Стаса с моими родителями. Он так и не объяснил, зачем пришел с цветами и изображал перед ними влюбленного. Теперь уже и не объяснит. Вряд ли он захочет еще со мной общаться.

Интересно, а я обязана сейчас спросить хотя бы в SMS, как он себя чувствует? Наверное, все-таки да. Ну что ж...

Глава 6

На сообщение Стас не ответил. На звонок, который я сделала для очистки совести, тоже. Видимо, обиделся не на шутку. В какой-то момент я была даже готова упрекнуть себя в том, что выгнала его на мороз. Может, ему действительно было плохо? С другой стороны, я ему не нянька и даже не девушка, к тому же наверняка он сильно преувеличивал и у него всего лишь побаливало горло.

Часов в одиннадцать утра Жанна засобиравшись домой, недовольная тем, что Сема не так уж сильно переживал из-за ее отсутствия: позвонил всего один раз, уже около девяти вечера, и, услышав, что она не придет, ответил «ладно» и положил трубку. Даже не спросил, где ее носит и когда же она вернется. Кажется, она испугалась, что еще чуть-чуть – и любящий муж вообще забудет об ее существовании.

– Возможно, он будет зол, – чуть ли не с надеждой произ-

несла Жанна, завязывая на шею унылый бурый шарф. – Ты же зайдешь со мной в квартиру, правда?

– Ну конечно. Еще и чаю выпью, – покорно отозвалась я.

– Посидишь полчаса или чуть больше. У тебя ведь никаких дел на сегодня нет?

– Нет. Ты не передумала насчет магазина?

– С одеждой? Нет, я не собираюсь ничего покупать.

– Если дело в деньгах, могу одолжить немного.

– Дело не в деньгах! Ида, ты очень хорошая подруга, но почему-то никогда не принимаешь к сведению факты, идущие вразрез с твоими убеждениями.

– О, какая умная фраза, – восхитилась я. – Из книги по психологии? Это распространенная патология или какая-то аномалия?

– Зря смеешься. Я бы на твоем месте задумалась.

«И я бы на твоем месте много над чем задумалась».

– Непременно поразмышляю на досуге. Ты готова к выходу? Я – да.

Кто бы мог подумать, что менее чем через час я окажусь в эпицентре удивительных – в основном по своей банальности, но не только – событий.

Подходя к дому, мы обнаружили, что свет в квартире Жанны и Семы горит – следовательно, Сема там.

– Ой, как он меня встретит? – снова заволновалась Жанна. – Мне что-то не по себе.

– Все будет нормально, – рассеянно успокоила ее я. – Если

что, ты можешь пожить у меня еще хоть... несколько дней. – Разумеется, мне не хотелось этого говорить, но я должна была. Дружеские отношения подразумевают некоторые обязанности.

В подъезде она начала красться и говорить шепотом, точно опасалась, что, услышав ее шаги или голос, Сема заранее вооружится скалкой или кухонным ножом.

В коридор мы тоже вошли тихо как мыши. В прихожей горела лампочка, из-под закрытой двери в спальню пробивался свет. Сема навстречу не выходил. Пока Жанна запира-ла за нами трясущимися руками, я чуть не споткнулась об обувь, стоявшую прямо на коврике при входе в прихожую.

– Ого, ты купила красные сапоги. Молодец, – шепотом сказала я.

– Красные?.. – не поняла она и, опустив взгляд, вздрогнула. – Это не мои.

– Упс. Значит, у твоего мужа кто-то есть.

– Господи.

– То есть я имела в виду, что у него СЕЙЧАС кто-то есть – ну, в гостях.

– В нашей спальне. Девушка.

Побледнев, Жанна развернулась к выходу. Я поймала ее руку в сантиметре от дверной ручки.

– Э, нет, так не пойдет. Это твой дом, и бежать никуда не надо. Ты сама говорила – это слабая политика. Сейчас вы выпроводите эту леди, сядете и поговорите. – Я сказала это

не без иронии, а в душе радовалась – наконец-то она увидит, что ее драгоценный Сема далеко не безгрешен.

Ясное дело, Жанна знала, что он иногда изменял ей, и проводила с ним по этому поводу регулярные терапевтические беседы, но, во-первых, она наивно полагала, что беседы имеют действие и теперь все позади, а во-вторых, не представляла, что он может делать это прямо в их спальне. Это было, пожалуй, уже слишком – даже для нее.

– Думаешь, надо войти? – нервно спросила Жанна.

– Обязательно, – кивнула я.

– А ты со мной зайдешь?

– Зачем? Ну, если ты хочешь, то да, конечно.

– Очень хочу. Пожалуйста.

– Я бы на твоём месте не впутывала в личные дела кого-то третьего...

– Третья не ты, третья – хозяйка этих сапог. Так что она и есть лишняя. А чтобы лишним был четвертый – об этом я никогда не слышала. Пошли.

Я, разумеется, уже догадалась, свидетелем чего придется стать, но меньше всего ожидала увидеть в объятиях Жанниного мужа девушку Стаса. Мой мозг мгновенно распознал ситуацию как гротескную, и мне захотелось рассмеяться.

Жанна ухитрилась взять себя в руки и, пробормотав «мы подождем здесь», пулей вылетела обратно в коридор.

– Красные сапоги – это чересчур, честно говоря, – в полной тишине сообщила я ей. – Это безвкусно. Ты могла бы

купить себе, например, темно-бордовые. Да даже черные. Главное, чтобы не серые и не бурые. Кстати, хочешь, чтобы я теперь ушла, или мне пока остаться?

– Пока останься, – выдавила из себя она, не сводя глаз с двери спальни.

Наконец она открылась, и перед нами предстали уже одетые Сема и Жанна. Надо сказать, за те года полтора, что я не видела Аллу, она не очень-то похорошела – скорее, наоборот: расплзлась в талии, начала обесцвечивать волосы, что делало ее похожей на девицу нетяжелого поведения. Да и стиль одежды стал более вульгарным. Хотя, может, она так разоделась специально по случаю жаркого свидания? Короткая юбка, глубокое декольте, да еще эти сапоги... Интересно, для Стаса она тоже так наряжалась? Если да, то у него явные проблемы со вкусом.

Увидев меня вблизи, она слегка нахмурилась – видимо, припоминая, где могла меня видеть, – и уже через несколько секунд ее глаза распахнулись от удивления, а губы сложились так, будто она собиралась произнести слово, начинающееся на «о». Естественно, в этой ситуации она не могла ничего сказать мне, не скомпрометировав при этом себя (может, Сема вообще не знал о существовании Стаса), поэтому растерялась и, недолго посверлив меня взглядом, отвернулась.

У меня в голове мелькнула шальная мысль внести еще большую сумятицу в умы присутствующих и непринужден-

но поздороваться с ней, но я тут же решила, что это ни к чему. Тогда, возможно, мне пришлось бы объяснять Жанне, откуда я знаю любовницу ее мужа, что на некоторое время затянуло бы мое пребывание в этой квартире, а я надеялась смотаться как можно скорее. Еще не хватало мне быть свидетелем бурной семейной ссоры. Меня и так во многое впутали.

– Итак, – произнесла Жанна грозно вместо «что это значит?», «кто она?», «давно это у вас?».

Сема, похоже, был не слишком уstraшен этим «итак», потому что ничего объяснять не стал – застыл на месте, сцепив руки в замок и уставившись в пол – не смущенно, а скорее упрямо. Мол, допрашивайте сколько хотите – ничего не скажу. Судя по всему, он не очень-то и боялся, что его застукают – ведь, приглашая к себе Аллу, он даже не знал, когда вернется Жанна. Вряд ли ему сильно хотелось, чтобы она застала его с любовницей, но в глубине души он понимал, что даже если это и случится, ничего страшного не будет. Она все простит.

– Это и есть твоя жена? – зачем-то осведомилась Алла. В какой-то момент мне показалось, что она при этом смотрит на меня, но оказалось, что все-таки на Жанну.

– Да, – ответил Сема коротко.

– Вот видишь – он не скрывал, что женат, – одобрительно сообщила я подруге.

Судя по выражению лица, ее это не утешило.

– Кстати, я бы ни за что не догадалась. В этом доме совершенно нет женских вещей, – заметила Алла как ни в чем не бывало. Судя по загоревшимся глазам, она с нетерпением ждала, когда Жанна взорвется.

Кстати, замечание было совершенно справедливым: поскольку Жанна не очень любила следить за собой, в ее квартире нигде не было ни шкатулок с косметикой, ни баночек и тюбиков со всякими гелями-масками-кремами. В их с мужем общем шкафу висела пара мрачных свитеров и джинсов – вот и все. Наверное, где-то лежала ее летняя одежда, а также нижнее белье, но вряд ли на виду.

«Нет худа без добра. Может, теперь она наконец задумается, что она все-таки девушка, а женский пол подразумевает не только замужество и материнство», – подумала я.

– И, зная, что Сема женат, вы все равно пришли сюда? – с нескрываемым омерзением произнесла Жанна, глядя на Аллу.

Она пожала плечами и нагло отозвалась:

– Ну да. Я ж не венчаться с ним пришла.

– Вот оно как...

Меня поражало Жаннино самообладание. Любая другая на ее месте закатила бы скандал (кроме меня, наверное – я бы максимально мирно выставила обоих за дверь и воспользовалась возможностью зажить спокойной жизнью). Но установки моей подруги не позволяли ей нарушать гармонию в семье. Вероятнее всего, Семе предстоял серьезный и обстоя-

тельный разговор с применением всех психологических приемов.

Я так и слышала, как Жанна строго сообщает ему: «Мне не нравится, что ты пренебрегаешь мной и не ценишь наш брак». Она говорила как-то, что во время конфликта важно не переходить на личности, заявляя «ты козел», а напирать на свою точку зрения: «Мне иногда кажется, что ты ведешь себя как козел, и это меня расстраивает».

– Ты ел сегодня? – ни с того ни с сего спросила у мужа Жанна. В ее голосе звучала неподдельная озабоченность.

– М-м... да, бутерброды, – с готовностью отозвался Сема, как будто именно этого вопроса и ожидал.

– А вчера вареники доел?

– Да.

– Замечательно. Сегодня я планировала запечь курицу. Ты не мог бы сходить в магазин и купить филе?

– Хорошо.

– И еще, пожалуйста, сок литровый. Если будет – персиковый, а нет – пусть какой угодно, хоть яблочный. На твое усмотрение.

Жанна совершенно игнорировала Аллу. Подозреваю, ее тактика была направлена в основном на то, чтобы дать разлучнице понять, что они с Семей – семья, которую не разрушат такие пустяки. Думаю, Алле было наплевать на степень прочности их брака, но вот из центра внимания она выпадать ненавидела. Потому теперь она выглядела рассерженной и

чуть ли не разочарованной. Вот уж кто не боится скандалов, а подпитывается ими.

– Я ухожу, – объявила она с вызовом.

– Всего доброго, – рассеянно отозвалась Жанна, не глядя на нее.

Сема буркнул «пока». Я ничего не говорила, только усмехалась, наблюдая, как Алла выходит из себя. И тут она решилась на провокационную реплику:

– Ладно, пойду навещу Стаса в больнице.

Она до смерти желала привлечь мое внимание, раз уж Жанна его ей не уделила, а я никак не могла доставить ей такое удовольствие.

– Замечательно. Думаю, он обрадуется, – ответила я с вежливой улыбкой.

Возможно, по моей реакции она также надеялась установить, есть ли между нами что-то сейчас и знаю ли я о болезни Стаса. Увы, ей не удалось и это.

Сема с недоумением глянул сначала на Аллу, потом на меня – похоже, он не подозревал, кто такой Стас, к тому же его поразило, что у нас с ней есть общие знакомые. Но и он не купился – не стал развивать эту тему. Вместо этого он отправился обратно в спальню – наверное, чтобы переодеться для выхода в магазин.

Жанне я про Стаса не рассказывала, поэтому она тоже никак не среагировала.

– Мне можно идти? – не удержавшись, спросила ее я.

– Погоди. – Она наклонилась к моему уху и прошептала:

– Сейчас они оба удалятся – в разных направлениях, надеюсь, – и мы с тобой все обсудим. Мне надо с кем-то поговорить.

Я предпочла бы, чтобы Жанна вела терапевтические беседы с супругом, но пришлось кивнуть и остаться.

– А ты правда собиралась запечь курицу? – не удержалась я.

– Да. Читала в интернете, что это очень легко. Надо только купить специи. Черт, еще же специи... Сема-а!

Глава 7

Намеренное нелюбопытство обернулось для меня большой потерей драгоценного времени: пришлось обзвонить несколько больниц, чтобы выяснить, в которой из них лежит Стас. Обнаружила я его у черта на куличках в отделении легочных заболеваний (или оно называлось как-то иначе, не помню точно). Все указывало на то, что бродить целый час вокруг моего дома в мороз было его серьезной ошибкой. И насчет своего недомогания он мне, пожалуй, не соврал.

Не то чтобы мне стало его жаль – скорее я ощутила смятение. Надо же, как неловко вышло. А теперь, раз уж я узнала, в какой больнице находится Стас, то, наверное, имеет смысл его навестить. Должна ли я это делать? Нет, не должна. Но как-никак я перед ним виновата. Хотя бы для очистки сове-

сти стоит это сделать, с тяжелым вздохом решила я в конце концов.

И в воскресенье отправилась в больницу, купив по дороге парочку апельсинов и яблоко. Некоторые почему-то считают, что, заболевая, человек тут же начинает потреблять фрукты в неограниченном количестве, но я не из таких. Даже если фрукты ему и полезны, вряд ли Стас съест их целую гору, рассудила я.

Если он не захочет меня видеть – тем лучше, не придется сидеть у его постели. В этом случае я точно выигрываю. А захочет – так и быть, развлеку его минут пятнадцать.

– Ты? – прохрипел Стас изумленно, когда я вошла в палату.

Выглядел он неважно: круги под глазами, нездоровый румянец на щеках, да и торчащий из груди катетер еще никого не украсил.

– Воспаление легких, насколько я понимаю, – заключила я, присаживаясь на край его кровати.

– Пока только подозрение на воспаление. Температура жарит, хотели даже в реанимацию отправить.

– Ты бы лучше поменьше разговаривал – тяжело же, наверное.

– А, нет, горло не болит, просто «село». – Он сверлил меня взглядом, и в его глазах был странный блеск, так что, не зная о его болезни, я могла бы решить, что он по уши влюбился в меня.

«Сейчас спросит, зачем я пришла», – подумала я.

– И зачем ты пришла?

– Навестить тебя.

– Добренькая ты моя. Кто тебе сказал, что я здесь?

– Это неважно.

– Ты ко мне домой заходила?!

– Я даже не помню, в каком подъезде ты живешь.

– Тогда не понимаю.

– И не надо тебе ничего понимать. Кстати, я тоже по-прежнему много чего не понимаю – зачем, например, ты пришел знакомиться с моими родителями.

– Опять. Тебе не кажется, что сейчас не время это обсуждать?

– Кажется.

– Ладно, я не знаю. Я НЕ ЗНАЮ, зачем это сделал. Просто подумал – почему бы и нет. Все? Успокоилась?

– Да я спокойна.

– Между прочим, ты сейчас рискуешь познакомиться с моими – они будут здесь с минуты на минуту.

– Ну, я и не думала задерживаться. А Алла приезжала?

– Нет, она только звонила вчера с утра, а я отправил ей сообщение, что я в больнице. Говорить я тогда почти не мог, сейчас еще ничего.

– Не приезжала, значит. Ну, так я и знала, – усмехнулась я. – В котором часу она звонила?

– Около десяти. А что?

– Ничего. Она не в курсе, что с тобой?

– Нет. Не спросила.

Значит, выяснила, что ее парень попал в больницу, и, не особенно заинтересовавшись этим фактом, спокойненько пошла развлекаться с другим. Или (это менее вероятно, но мало ли) вообще ночевала у Семы и тайком звонила Стасу оттуда. А монстра после этого делают из меня.

– Хорошая девушка, – резюмировала я.

Стас гневно глянул на меня, но промолчал. Что он мог на это возразить? Не утверждать же ему было, что нет, не хорошая.

– Обязательный фруктовый минимум здесь. – Я потрясла в воздухе пакетом. – Ставлю возле тумбочки. Это твоя тумбочка?

– Вообще-то, наша общая, – внезапно встрял старичок, сидевший на соседней кровати – почему-то оскорбленно. Наверное, ему тоже хотелось фруктов.

– Ну так угощайтесь и вы, – приветливо предложила я.

Стас поджал губы. Мало того, что по моей вине он попал в больницу – я еще и отнимаю его «законные» апельсины. Может, нужно было все же взять побольше?

Слава богу, у старичка оказалась аллергия на цитрусовые и, узнав, что в пакете только одно яблоко, он тут же потерял ко всему интерес и решил подремать.

– Ладно. Я пойду, пока не пришли твои родители, – сказала я, поднявшись. – Если хочешь, могу зайти еще как-ни-

будь.

– Думаю, ты уже пожалела о том, что сказала, – угрюмо отозвался Стас, и это навело меня на мысль, что он знает меня лучше, чем я полагала. – Ну а о своем... предательстве ты, надеюсь, жалеешь?

– Предательство совершила твоя Алла, а не я, – тихо, чтобы не потревожить старичка, заметила я. – Предают близкие. Для остальных не помочь тебе в трудную минуту вполне естественно.

– Прикрываешься философией? – хрипло возмутился он. – Четыре года, Ида. Четыре года, значит, коту под хвост. Неужели после... всего, что... я не заслуживал даже сострадания?

На это мне тоже нашлось что ответить. Придумывать небанальные ответы в сложных ситуациях я любила – это сродни логической игре.

– Сострадания заслуживают инвалиды, сироты и бездомные животные, – с умным видом заявила я. – А уж никак не полные сил молодые люди.

– Ты находишь, что я сейчас полон сил? Это вряд ли, – справедливо возразил Стас.

– Да, но позавчера ты выглядел вполне недурно, а накануне заявлял, что хочешь остаться у меня, вот я и решила, что ты симулянт.

– Почему было не удостовериться? Я ведь предлагал тебе потрогать мой лоб – он был горячим как печка. Тебе просто

плевать на меня. Я был о тебе лучшего мнения.

– Значит, четыре года прошли даром для тебя, а не для меня, раз ты так и не узнал меня, – триумфально заявила я и, попрощавшись, покинула палату.

Всю неделю я занималась в основном начавшимися зачетами и – в свободные часы – чтением. Жанна не звонила. Стаса выписали – похоже, воспаления легких у него все же не оказалось, – но его я тоже больше не видела. Даже родители ни разу не пригласили меня к себе – видимо, решили, что я дико занята из-за сессии. Но учеба, как и все остальное, не слишком меня волновала и не слишком напрягала. Да, она иногда отнимала время, но нервы и силы – никогда.

В середине следующей недели, уже в двадцатых числах декабря, я пила чай на кухне и листала конспекты по предмету, который предстояло сдавать назавтра, и тут раздался звонок в дверь. Точнее, сразу три. «Потрясающе», – подивилась я и, загнув угол тетради, захлопнула ее и пошла открывать.

– Что, уже настолько окреп? – впустив Стаса, поинтересовалась я.

– Чувствую себя нормально, – сухо сообщил он.

– А по тебе не скажешь.

– Вообще-то, у меня еще больничный... Я сбежал. Родителей нет дома – они будут жутко недовольны, когда вернутся.

– Ого, так ты не у Аллы был?

– Все кончено.

– Опять?

– Нет, еще с тех пор.

Уже довольно давно. Тревожный знак...

– Неужто она и не позвонила тебе ни разу?

– Один раз в SMS спросила, выписали ли меня уже. Наверное, встретиться было не с кем. Но я сказал, чтобы она больше меня не беспокоила. Между нами все кончено, – повторил Стас упрямо.

– Ну, подожди еще некоторое время. Вот наберешься сил – тогда станешь ей нужен. Что ей с тобой, больным, делать? – рассудила я, ногой пододвигая к нему тапочки моего покойного дедушки, в которых Стас обычно ходил у меня.

– А тебе со мной что делать?

– Не знаю. Зависит от того, зачем ты пришел.

– Можно я сразу прилягу?

– Кажется, уже начинаю понимать, зачем.

– Да нет, просто слабость. Ты же мне веришь?

– Пожалуй. Ложись. Есть будешь?

– А что именно?

– Спагетти с мясом.

– Ненавижу спагетти. Нет, спасибо.

– На «нет» и суда нет.

Он расположился на моей постели, а я уже собиралась отправиться обратно на кухню к своим конспектам, но, когда я проходила мимо кровати, Стас поймал меня за руку.

– А ты прилечь не хочешь?

И все-таки я, похоже, правильно определила цель его визита.

– Ты что, уже простил меня? – хохотнула я.

– Ну а что с тобой сделаешь... – беспомощно пожал плечами Стас.

– Смотри, у тебя наблюдается склонность к растягиванию бесперспективных отношений на долгие годы, – предупредила я. – Если хочешь, я обращусь к подруге – у нее много психологических книг, она даст тебе почитать что-нибудь и на эту тему...

– Обязательно, – пообещал он.

К конспектам я в тот вечер уже не вернулась.

Глава 8

– Ты, наверное, хочешь, чтобы я больше не приходил, – предположил Стас, ковыряя вилкой спагетти. С утра они уже не вызывали у него такого омерзения.

– Да не так уж ты меня и объедаешь, – хмыкнула я.

Мы завтракали вместе – мой зачет был утром, так что на сей раз встать пораньше нужно было мне. И будильник, к счастью, ставила я, так что проснулась под Bring Me To Life от Evanescence.

То, что я успела прочитать семь листов конспекта из двадцати шести, меня слегка забавляло, но я надеялась все же

справиться с предметом с первого раза, потому что пересдача была назначена на следующий день, а больше пар не намечалось. Ехать в университет ради одного зачета... меня не грела эта мысль.

– Обьедаю? – переспросил Стас. – Господи, я не о том. Нельзя так все упрощать. Просто между нами исчезло то... связующее звено.

– Вот как? – вежливо отозвалась я. – Я так понимаю, ты об Алле.

– Ну вот, ты гораздо прозорливее, чем пытаешься показать. Мы никогда об этом не говорили...

Он пристально посмотрел на меня, и его взгляд вдруг почему-то показался мне оупевшим. Когда люди долго смотрят в одну точку, у них всегда появляется именно такое выражение лица – и сосредоточенное, и отрешенное одновременно.

– Мы никогда об этом не говорили, – повторил Стас, – но, по сути, наши отношения с тобой были завязаны на моих отношениях с Аллой. Мне нужна была отдушина, а тебе... кстати, тебе-то что было нужно? Не будешь же ты утверждать, что я.

– Впервые об этом задумался?

– Ну, не впервые, конечно... но, ясное дело, меня больше заботили собственные интересы.

– У меня так всегда, – понимающе покивала я.

– И какой у тебя здесь был интерес?

– Много будешь знать – скоро состаришься.

– Ну а серьезно?

– Помнишь, что ты мне ответил на вопрос, почему пришел тогда знакомиться с моими родителями?

– О-ох, ну сколько можно мне это припоминать...

– Ты сказал «я подумал – почему бы и нет». Вот и я тоже.

– Четыре года продержаться на таком хилом топливе? Ты меня поражаешь.

– Но ты же сам признался, что не думаешь, будто существовало какое-то более сентиментальное объяснение.

– В этом я не сомневаюсь. Что ты, что Алла любить не способны, – вынес вердикт Стас.

– Не всем же быть такими способными, как ты, – парировала я.

– Ладно, ладно, у меня тоже куча недостатков, – великодушно признал он. – И все-таки как ты думаешь, что будет с нами теперь, когда я разошелся с Аллой?

Этот разговор мне совершенно не нравился. По-моему, любого из нас напрягают неожиданные обсуждения перспектив, а в моем случае это был еще и первый раз за несколько лет (или первый раз в принципе?), когда Стас решил поговорить о нас с ним, а не о них с Аллой. И наверняка неспроста. Уж не собирается ли он ко мне переехать? Или, чего доброго, предложить мне руку и сердце?! Хотя... может, напротив, он понял, что дальше тянуть не имеет смысла, и хочет расстаться. Тогда я обойдусь малой кровью.

Слегка расслабившись, я стала разглядывать повернутое в мою сторону лицо Стаса – треугольное, с заостренным подбородком и большим лбом, маленькими темно-кариими глазами и довольно тонкими губами. Лицо скорее несимпатичное. И все же что-то в нем есть, заключила я.

– Эй, – окликнул меня он. – Я задал вопрос.

– Не люблю принимать решения. Может, лучше ты мне расскажешь, что нас ожидает? – предложила я.

– Ну, одно из двух: мы можем продолжать все как раньше, но теперь уже на другой основе, наверное, а можем разбежаться.

– К чему ты склоняешься?

– Честно говоря, не знаю. Это смешно, но я вообще до сих пор не разобрался, что у меня к тебе. У меня голова вечно была забита одной Аллой...

– И сейчас тоже, я смотрю.

– Не-ет, теперь уже все, – категорически заявил Стас. – Кажется, это наваждение наконец начало меня отпускать. То, что она ни разу не навестила меня в больнице, раскрыло мне глаза. Да она даже не удосужилась спросить, в какой именно больнице я лежу и что со мной! Ты вот как-то узнала, нашла меня и пришла, а она нет. После семи лет!

– Ты что, удивлен? Я – не очень, – пожала плечами я, убирая со стола посуду.

– Такое впечатление, будто ты ее знаешь лучше меня. Или я достаточно подробно о ней рассказывал, или ты умнее ме-

ня.

– И то и другое, дружище.

– А ты с ней лично никогда не встречалась?

Вот интересно, что бы он сказал, заяви я ему, что не только встречалась, но и видела ее голой? Ха, разумеется, он об этом никогда не узнает. По крайней мере от меня. Если я объявлю Стасу, что Алла ему еще и изменяла, он, во-первых, захочет знать детали, а потом полгода будет в таких же деталях со мной все это обсуждать, а во-вторых, может отвернуться от нее окончательно. И тогда, действительно, не очень понятно, что у него будет со мной. Пока у меня на самом деле оставалась надежда, что они возобновят отношения и все будет по-старому.

А о том, что мы с Аллой виделись полтора года назад – если она не рассказала, мне-то зачем? Хотя... любопытно, как бы он на это отреагировал? Может, умилился бы, что она собиралась за него бороться? Это могло бы быть мне даже на руку.

– М-м... вообще-то, было один раз, – решила я («почему бы и нет?» – мой неоспоримый аргумент).

– Когда? – с интересом, но не слишком живым, спросил Стас. Похоже, за столько лет тема Аллы его действительно утомила.

– В прошлом году, когда она нашла мое сообщение у тебя в телефоне.

– Ого, она мне и не говорила.

– А это могло бы тебя порадовать. Она хотела, чтобы я оставила тебя в покое. Знаешь, мне кажется, она так и не поверила, что ты ей изменял. Скорее, решила, что у нас что-то наклевывается.

Стас усмехнулся, но ничего не сказал.

– Интересно, знает ли она, что ты до сих пор общаешься со мной? – продолжала я, присев обратно за стол.

– Честно говоря, мне это уже не так интересно, – сказал он. – Но я вижу, о нас с тобой ты говорить не желаешь...

– Ты же еще не разобрался, о чем тут говорить.

– А ты? Скажи мне, ну чего ты хочешь?

Внезапно он крепко сжал мою руку – видимо, чтобы я сосредоточилась на его вопросе и не посмела опять увильнуть. Тяжелая артиллерия.

– Я тоже не знаю, – сообщила я спокойно.

– Мне сегодня приехать?

– Как тебе удобно.

– Я приеду. Родители будут ругаться, что я не соблюдаю постельный режим, ну ладно.

Я собиралась вставить не очень приличную, но напрашивающуюся реплику, но решила все-таки промолчать.

– Прошу тебя подумать до вечера, – не отставал Стас. – Слышишь меня? Подумай. Это важно. Сейчас мы на распутье, и надо что-то решить.

– Обязательно сегодня?

– Тянуть можно до бесконечности. Чем раньше, тем луч-

ше.

– Тогда приезжай послезавтра.

– Почему?

– Да просто. Ненавижу, когда меня ставят в такие жесткие рамки.

Стас улыбнулся, помолчал и вдруг пробормотал:

– Я тобой восхищаюсь.

Глава 9

С зачетом я таки справилась с первого раза. Поощрить себя решила походом по магазинам и в салон красоты (в конце концов, скоро Новый год, надо же быть красивой).

Купив себе платье и две кофточки, сделав в салоне маникюр, педикюр и еще зачем-то массаж, я потратила три стипендии, отложенные у меня на карточке, но ни капли об этом не пожалела. Домой вернулась уже под вечер – довольная и умиротворенная. Будь я одной из тех «блондинок», что зависают в соцсетях и каждый день обновляют фотографии, я бы, наверное, посвятила остаток дня фотосессии с вытянутой руки. Такую глупость я делать не стала, но перед зеркалом провертелась минуты полторы (для меня это был почти рекорд) и в конце концов пришла к тому, что я очень даже ничего.

Я всегда была о себе неплохого мнения, но настоящей красавицей себя не считала – не совсем правильная форма носа,

широковатые бедра и маленькая грудь слегка портили в целом неплохую картину. Но сейчас все эти мелкие нюансы в глаза не бросались. Ухоженная симпатичная девушка. Захотелось даже, чтобы кто-то увидел меня такой прямо сейчас, и мелькнула мысль зайти к родителям, а потом даже позвонить Стасу, но я отбросила оба варианта. Когда можно вдоволь насладиться одиночеством, зачем упускать этот шанс? С родителями я ужинаю через три дня, а Стас... по-моему, все эти годы ему было все равно, как я выгляжу.

Он почти не делал мне комплиментов и вообще каких-либо замечаний, касающихся моей внешности, вне зависимости от того, была я ненакрашенная, с хвостиком и в халате или только что из салона. И после этого он еще просит меня подумать, хочу ли я быть с ним дальше. Хорошо еще, что я не кисейная барышня, у которой самооценка падает от одного равнодушного взгляда молодого человека. Впрочем, будь я таковой, вряд ли продержалась бы столько времени с человеком, связанным другими отношениями и чувствами к другой.

«Все же хорошо, что я такая, какая есть», – подытожила я довольно, отходя от зеркала, и тут в дверь позвонили. И это был не Стас.

Похоже, мысли материальны, улыбнулась я. Сейчас кто-то увидит меня, так сказать, во всей красе.

Мне повезло вдвойне – за дверью стоял молодой человек. И, возможно, он оценил меня по достоинству, но явился он

не по зову сердца, а по долгу службы. Курьер.

– Ида Климова? Это вам, – с улыбкой произнес он, вручая мне пестрый подарочный пакет.

Странно – вроде бы день рождения у меня в апреле, а Новый год и тем более Восьмое марта еще не наступили... Переспрашивать, уверен ли он, что посылка предназначается мне, не имело смысла – ведь он назвал мое имя и пришел по этому адресу. Не так уж много Ид Климовых живет в моей квартире.

– Спасибо, – вежливо сказала я, принимая пакет. – М-м, я вам ничего не должна?

– Ну что-о вы, все оплачено. – Мне показалось, что курьер слегка подмигнул мне – значит, мои чары все же действуют.

Когда он ушел, я несколько секунд просто стояла и смотрела на посылку, размышляя, не бомба ли это. В памяти всплыла «Азазель» Акунина – там был как раз такой эпизод... Но потом, тряхнув головой, я сказала себе, что слишком много читаю и смотрю детективы.

В пакете оказалась огромная, на вид совершенно безобидная коробочка моих любимых конфет. На всякий случай я открыла ее, чтобы уж наверняка убедиться, что бомбы нет и внутри нее, ну и заодно съесть пару-тройку экземпляров из коробочки. Кроме того, посылка содержала замысловатую открытку, явно дорогую, ручной работы, с написанным от руки текстом: «Когда же наступит послезавтра?». Думаю, надо было быть даже большей «блондинкой», чем те, что зависают

в соцсетях, чтобы долго размышлять, от кого этот подарок. В данном случае меня больше волновало не «кто виноват?», а... нет, и не «что делать». Зачем?

За эти четыре года Стас ни разу не приносил мне цветов (в первый и единственный раз, когда он пришел с букетом, тот предназначался моей маме) и уж тем более не опускался до такой романтики, как отправление подарка с курьером, причем без повода.

Не успела я начать размышлять на эту тему, продолжая поедать конфеты (перед ними я устоять не могу), как в дверь снова позвонили – и опять это был не Стас. Либо он хотел сделать мне еще один сюрприз и явиться без условного звонка – теперь я уже всего могла ожидать.

Но на пороге стоял папа.

– Послушай, дочка... – жизнерадостно начал он. – Ого, я вижу, ты уже открыла пакет...

Я изумленно воззрилась на него – на секунду у меня проскользнула даже странная мысль, что посылка была от него.

– Мы тут с мамой просто вне себя от любопытства – если, конечно, можно так выразиться, но я так выразился, а значит, вполне можно... От кого подарок? Нет, если это личное, то, конечно, не надо, не говори... но... э-э... со Стасом мы уже знакомы... Это он, да?..

– Не хочется быть банальной, но все-таки не могу не спросить: откуда ты и мама знаете о посылке?

– Дело в том, что сначала курьер позвонил в нашу дверь.

Ты, наверное, не слышала, у нас двери толстые, никогда не услышишь, что на лестничной клетке творится. Спросил, здесь ли живет Ида Климова. Мы с мамой сказали, что она в соседней квартире. Он еще очень удивился – ему точно указали именно нашу квартиру. Видимо, какая-то ошибка – хорошо еще, что он к нам попал, а не к соседям справа, потому что те, по-моему, и не знают, как тебя зовут...

Ого. Bravo, Стас.

– Так это от него? От твоего парня?

Я кивнула.

– Какой молодец, а! Он нравится мне все больше и больше! У вас какая-то памятная дата сегодня?

– Нет. Это... просто так, – сообщила я меланхолично.

– Ну ничего себе! Стас такой романтик и так любит тебя! Ты береги его. – Папа расплылся в своей фирменной широченной улыбке. – Ладно, дочка, удачного тебе вечера. Если хочешь, заходи к нам. Кстати, отлично выглядишь. Новое платье?

– Да. Спасибо, пап.

Итак, он специально указал курьеру адрес родителей – это точно. Он отлично знал мой адрес и случайно ошибиться не мог. Номер их квартиры Стас наверняка помнил, а если и нет, то легко мог вычислить, исходя из моего. Зачем он это сделал? Да элементарно – чтобы умилить их и еще больше подняться в их глазах. Красиво запакованный подарок – трогательный жест от по уши влюбленного парня...

Не факт, что я рассказала бы им о посылке (даже скорее всего не рассказала бы), а так они узнали о ней первыми, и теперь он точно заполучил их в союзники. Как говорится, мелочь, а приятно.

И снова – зачем? Зачем ему так нужно быть со мной? Привычка? Боязнь одиночества? Или?..

Глава 10

Я решила не звонить и не писать Стасу. Из того, что я собиралась ему сказать, не было ничего такого, что не могло подождать два дня. Кстати, он тоже больше не объявлялся – только в назначенный день (точнее, вечер) раздались звонки в дверь. Раз, два, три, зачем-то отсчитала я механически и пошла открывать.

– Привет. Ну и холодрыга сегодня, – заявил Стас, размазывая шарф.

– Спасибо за открытку. И, главное, за конфеты. Их уже практически нет, даже угостить тебя нечем, – произнесла я. – К чаю только зефир. Чуть-чуть.

– Обойдусь. Я дома поел. Пока я не хожу на работу, с распорядком дня все гораздо проще и вольнее. Где тут мои тапочки?

– Я их спрятала.

– Зачем? – Он заметно напрягся.

– Я пошутила. Вот они, в углу коридора, – информировала

я.

– О господи, я уж думал, это был знак того, что они мне в твоём доме больше не понадобятся.

– Я смотрю, ты эксперт по знакам. Ошибка курьера, который доставил мне конфеты и открытку, это тоже какой-то знак судьбы, да?

– Нет. Я бессовестным образом подлизался к твоим родителям, – сообщил Стас с улыбкой. – Знал, что ты догадаешься. Им ведь понравилось?

– Едва ли не больше, чем мне. Я потом заходила к ним – даже мама была в экстазе от твоей галантности и романтичности. Полчаса об этом говорила.

– Ура, подействовало.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – резко спросила я.

– Как-то грозно это прозвучало. Лучше я на всякий случай скажу, что не очень, хотя нормально.

– То есть если мы куда-нибудь сходим, вместо того чтобы остаться дома, ты не будешь возражать?

Это был хорошо рассчитанный выпад. Разумеется, мне не хотелось никуда идти, но хотелось подчеркнуть, что в ближайшее время рассчитывать на близость не стоит (как-то мерзко это было бы – после подарка и «подкупа» моих родителей... не знаю даже, почему) и что вести с ним серьёзный разговор, на котором он настаивал, я тоже не хочу. Зимние улицы, кафе и тем более кино не очень располагают к доверительным беседам. Ну, на мой личный взгляд.

– Сходить? – удивился Стас. – Мы никогда никуда не ходили. Знаешь, я все-таки предпочел бы не бродить особенно по морозу, я ведь еще недостаточно окреп...

Ну и слава богу – ведь мог бы взять и согласиться.

– Отлично. Тогда давай здесь посмотрим какое-нибудь кино, – продолжала гнуть свою линию я.

– Хм, – отозвался он.

– А что тебя смущает?

– Да ничего... давай посмотрим. Только не детективы твои, ладно? Жизнь и так что-то остросюжетная пошла.

– Жаль. Ну, нет так нет. Значит, сейчас глянем, что идет по телевизору. Правда, у меня нет программы, но можно открыть ее в интернете...

– Лучше наугад, – скучающе перебил меня Стас и, присев в кресло, взял пульт. Ему явно не нравился такой поворот, но он не мог ничего поделать.

Как назло, ни по одному каналу не показывали ничего даже более или менее приличного. Вечер – уж могли бы постараться! Но увы. То какая-то передача про садоводство, то новости, то мексиканский сериал (а я уж думала, их давно перестали показывать).

– Ну что ж, давай оставим это, – сказала я, когда Стас дошел до сериала.

– Да нет уж, лучше это. – Он мстительно переключил на садоводство.

«В зоне укрывного виноградарства наиболее распростра-

нена веерная бесштамбовая четырехрукавная чеканка», – сообщил унылый голос.

– Очень познавательно. Жалко, я ни слова не поняла, – закручинилась я.

– Хотела что-нибудь посмотреть – пожалуйста, давай. Чем ты недовольна-то? – возразил Стас. – Слышишь, там прозвучали слова «побеги» и «листы» – я уже начал понимать, о чем речь. Еще чуть-чуть – и вообще втянусь...

– Ладно, может, идея была не очень. Я не люблю телевизор.

– А кто тебя за язык тянул?

– Рассчитывала на детектив. С другой стороны, нужно и разнообразие... – Я потянулась к пульту с соседнего кресла, но Стас ловко убрал его из зоны доступа.

– Нет уж, пожинай плоды...

– Отдай.

– Ну что, что ты сделаешь, разозлишься и ударишь меня? Вряд ли. Тебя бесит, только когда тебе врут.

– Просто врут – это полбеды. Не люблю, когда врут слишком нагло.

– Но из-за такой ерунды как пульт ты ни за что не распалишься.

– Верни его. В конце концов, он мой.

– А иначе что ты со мной сделаешь? Выгонишь? А если я не уйду?

Его лукавство не то чтобы злило меня, но определенно

раздражало. По-моему, оно было просто неуместным. Вся эта борьба за пульт вообще напоминала шутивную перепалку влюбленных, а такие ассоциации заставляли меня морщиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.